

Но если светская «Великая наука» ставится выше основанного на религиозном откровении богословия, то тем менее поводов отождествлять ее предмет с ораторским искусством. «Предлежащее» ее «пространнейше предлежащего риторического и логичного». «Вся описания ея (риторики, — А. Г.) заключаются в единых токмо прилагаемых разсмотрительных... Наша же науки описание непременно соборнейше творит по всем основаниям, себе положенным».³³ Прямое касательство к риторике имеет лишь один небольшой раздел «Великой науки» — «Беседа о второй форме философской» с приложением «Слова о посте». Но эти главы никак прямо не связаны с текстом шестой части книги, после которой они следуют; они входят в состав далеко не всех списков «Великой науки» (например, «Беседа» отсутствует в рукописи ГПБ, Солов., 1508/49) и, вероятно, являются прямым заимствованием из «Риторики Раймунда Люллия» — сочинения, специально посвященного применению принципов люллиевой «науки» к ораторскому искусству.³⁴ Отметим, кстати, что если «Великая наука» в полном объеме и в сокращении Андрея Денисова сохранилась в 61 списке, то «Риторика Раймунда Люллия» дошла до нас лишь в 9 рукописях.

Итак, «Великая наука» — не научная энциклопедия и не руководство по риторике. По замыслу автора, она должна была явиться своеобразным учебником философии, задача которого — дать в руки просвещенного читателя универсальный и легко доступный метод усвоения всех наук. Об этом прямо говорится в предисловии, где приводятся взятые из западноевропейской люллианской литературы примеры чудодейственного превращения простых и невежественных, неграмотных людей, то почти детей, то седых старцев, во всесторонне образованных и вызывающих всеобщее восхищение мудрецов, благодаря обучению по методу «Великой науки». Поэтому автор стремится сделать свое сочинение «внятным не токмо ученым, но и неученым человеком»,³⁵ уделяя большое внимание точному переводу и истолкованию философских понятий. Разработка русской философской терминологии — бесспорная и, быть может, важнейшая заслуга А. Х. Белобочко.

Решающее слово в разрешении вопросов, связанных с изучением «Великой науки», принадлежит, на наш взгляд, тем ее читателям, которые обеспечили ее сохранение и распространение в десятках списков. Обследование сохранившихся рукописей «Великой науки» позволяет уточнить время распространения этого сочинения, выяснить круг его читателей и причины его популярности, а тем самым определить и место этого произведения А. Х. Белобочко в истории русской образованности XVIII века.

Основная масса списков «Великой науки» не датирована. Тем больший интерес представляют в этой связи датированные рукописи. Самая ранняя из них имеет вытисненный на переплете заголовок с подробной характеристикой «Великой науки» и дату — 1719 год (БАН, 17.15.20). Один из первых владельцев этой книги приобрел ее, очевидно, в 1720 году и, после того, как «три года держал», перепродал в 1723 году.

В одной из записей переписчика сохранились сведения и о более ранних списках. В рукописи ГПБ, Тиханов, 216 вместе с «Великой наукой» переписан и текст «Краткой науки» Раймунда Люллия. Это последнее произведение содержит в конце сведения о дате его написания: «К чести и хвале божией и гражданския ради пользы окончил Раймундус сию книгу в лето господне 1307». Русские переписчики, завершая свой труд, в ряде случаев вместо даты написания «*Arts brevis*» Люллием указывали дату окончания собственной

³³ Там же, лл. 7об.—8, 182об.

³⁴ Возникающий в связи с уточнением даты написания «Великой науки» вопрос о пересмотре хронологической последовательности сочинений А. Х. Белобочко выходит за рамки настоящей статьи.

³⁵ ГПБ, Ф. III. 1, лл. 1—5.